

Сандро Фазини. ФОТОГРАФИИ ХУДОЖНИКА-КУБИСТА

Молодой Сандро.

Одесса, 1919 г.

Он появился на свет 23 декабря 1892 года по старому стилю (5 января 1893 года по новому) в Киеве, в семье богуславского мещанина Арье Файнзильберга. Одесситы считают его своим: детство и юность художник провел в Одессе. Он был старшим, родители звали его Саня, Саша, Александр.

Постепенно сыновей становилось все больше (четверо), а денег все меньше. (Как шутил Ильф: "Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги".) Отец, мелкий банковский служащий, хочет обеспечить мальчиков надежной профессией. Двух старших он определяет в коммерческое училище. Одолев курс наук, Александр с блеском оканчивает Одесское художественное училище: он прирожденный художник! (Представляет себе разочарование старика Файнзильберга?) По стопам старшего, с тем же результатом, спешит следующий сын — Михаил. (Представляет себе недоумение старика Файнзильберга?) Илью, третьего по старшинству, отдают в ремесленное училище, но, получив звание подмастерья и переименовав множество технических профессий, он входит в круг молодых одесских поэтов, сам пишет стихи, а в дальнейшем становится

Очень немногие в России знают об одесско-французском художнике и фотографe, работавшем под псевдонимом Сандро Фазини. Что нам известно, кроме нескольких строчек в биографическом словаре художников русского зарубежья?

ся известным московским писателем-сатириком. (Представляете себе изумление старика Файнзильберга?) Угодил отцу только младший: он выучился на топографа.

Родовая фамилия не годится для людей искусства: тяжела и неблагозвучна. "Братья Ф." прибегают к псевдонимам. У Александра — "с итальянским акцентом": Сандро Фазини (S. Fasini). У Михаила — "музыкальный": Ми-фа, потом — МАФ. Илья присоединяет к трем буквам имени первую букву фамилии и становится Ильфом.

Начиная с мая 1911 года, Сандро сотрудничает в популярном одесском журнале "Крокодил". Почти в каждом номере появляются его рисунки, заставки, виньетки, карикатуры, фотоэтюды — иногда до десяти работ одновременно. Он иллюстрирует знаменитые поэтические альманахи 1915 — 1917 годов ("Седьмое покрывало", "Авто в облаках", "Чудо в пустыне"), пишет декорации к авангардным спектаклям, расписывает интерьеры литературно-поэтических кабаре. "В России, — вспоминает он позже, — в прошлые, конечно, годы, у меня была известность, и я зарабатывал большие деньги... Я никогда не был последним и всегда выделялся".

В 1917 году Фазини примыкает к Обществу независимых художников, участвует в их выставках. Рецензенты называют его "кубистом", насмешничают: "В детстве по недосмотру няньки ударился темечком о кубики..."

Рисунки "ультрасовременного" Фазини обильно публиковались в одесских сатирических журналах "Фигаро", "Бомба" и "Яблочко" (1917 — 1918). При большевиках он работал в ЮГОСТА. Валентин Катаев в повести "Трава забвенья" напоминает "громный щит-плакат под Матисса

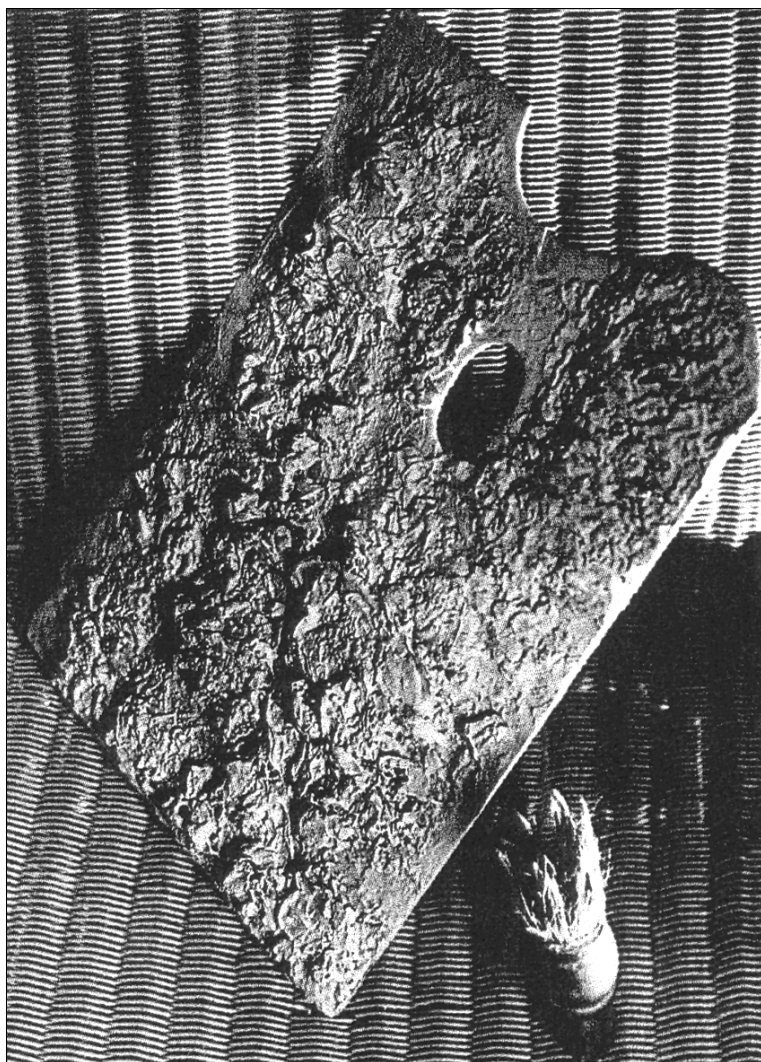
работы художника Фазини — два революционных матроса в брюках клеш, с маузерами на боку на фоне темно-синего моря с утюгами броненосцев".

Когда в Одессе настали "оканные дни", художник эмигрировал. В начале 1922 года он пишет из Константинополя своему американскому дядюшке — просит прислать ему вызов: "К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как поприще — значит выбрать смерть. Представить себе, что такое Россия теперь, человеческому уму невозможно. Это нужно увидеть собственными глазами, и только тогда можно понять".

Но с Америкой не получилось, и Фазини обосновался в Париже — Мекке художников. В городе его мечты тоже оказалось нелегко. В 1927 году отец извещает младших сыновей: "Получил от Сани письмо, из которого заключаю, что его дела незавидные". Тем не менее, к началу 1930-х годов его живопись, балансирующая на грани абстракции и сюрреализма, пользовалась успехом. Современные французские искусствоведы называют Фазини "одним из исключительно интересных мастеров Парижской школы". Его работы экспонировались в Осеннем салоне, Салоне Тюильри и Салоне Независимых, висели бок о бок с полотнами Клее, Люрса и Пикассо в галерее Вавен-Распай.

Илья Эренбург, подружившийся с Ильфом и Петровым, когда они приехали в Париж осенью 1933 года, вспоминал, что Ильф "разыскал своего брата, художника, давно уехавшего из Одессы, тот старался посвятить Ильфа в странности современного искусства". Братья не виделись больше десяти лет.

"Он занимается фотографией, и очень хорошо", — радуется Ильф, сам страстный фото-

Фотография. 1930-е гг.

граф, и дарит брату камеру "Rolleiflex". Фазини оценил подарок по заслугам: "Я 'Rolleiflex' очень доволен и чувствую, что скоро, скоро начну им делать хорошие фотографии на пластинки". Его друзья напишут потом Ильфу: "Воспользовавшись чудовищной и явно неестественной способностью нового аппарата фиксировать все даже ночью, он снимает друзей, знакомых, обстановку, в театре и на улице, днем и ночью"; или "Саша без памяти фотографирует и для этого мечется по всей Европе. Был в Бельгии, теперь мотнулся в Испанию". Фотосъемки "со все время хлопающим 'Rolleiflex' дают реальную возможность зарабатывать деньги: 'Саше поручили заснять целый ряд фабрик, производящих разные химические продукты и имеющих свои отделения в нескольких странах, — писала в Москву жена Фазини. — Пригласили его как художника-фотографа модерниста с тем, чтоб все было готово к будущему году к выставке в Брюсселе, где его и 'повесят'. В июле месяце [1934 года] он снимал фабрики около Парижа, затем поехал в Бельгию, где был в трех городах и тоже хлопал..." В другом письме она сообщает, что муж "получил приказ, довольно лестный, отправиться в Эльзас и Лотарингию похлопать Вашим принесшим ему счастье аппаратом".

Рекламные фотографии говорят сами за себя. Чистая, эффектная работа. Зоркий взгляд. Необычные ракурсы. Необычный выбор натуры. Художник-кубист проявляется и в фотографии. В окружающих ландшафтах он, как и Пикассо в своих фотографиях, ищет четко выраженные геометрические формы у снимаемого объекта. Контрастный свет выявляет плоскости, как бы доказывая реалистическую основу кубистического изображения в живописи. Новую фотографическую эстетику Фазини ищет в новых объектах съемки, характерных в 1920 —

30-х годах в живописи "новой предметности". Фотографические натюрморты напоминают живописные работы художников-кубистов. Игра с формой (шар и куб), фактурой и материалом дает новые средства для его художественного самовыражения в фотографии. Во время участия в живописных выставках вместе с Пикассо наверняка происходило обсуждение художественных возможностей фотографии. Так, съемка Фазини городка с верхней точки превращает нагромождение крыш домов в абстрактный рисунок. Этот снимок созвучен фотографиям Пикассо реальных ландшафтов, в которых художник видел кубистические композиции.

В живописи и фотографии Фазини все время находился на переднем крае. Многие его работы очень современны, как будто они созданы в наше время. Фотографии Фазини регулярно печатались в парижском еженедельнике "Vu" за подписью Al Fas. В 1937 году его художественные фотоработы с успехом экспонировались на Международной парижской выставке.

В апреле 1937 года умер Ильф. А 16 июля 1942 года Фазини с женой Азой были арестованы французской полицией. Концлагерь Дранси под Парижем, депортация из Франции 22 июля 1942 года. Оба погибли в Освенциме. Мекка художников обернулась для художника Голгофой.

Нельзя не заметить, что "братья Ф." — пример исключительной одаренности, пристрастия к искусству было у них в крови. Знаменательно, что призванием всех четверых оказалась фотография: Фазини был фотографом-профессионалом, МАФ — любителем, Илья мы недавно "открыли" как тонкого лирического фотомастера (см. "Фототехнику и видеокамеры" № 4/2002 г.), а младший, Вениамин, переживший братьев на полвека, оставил отличное фото-наследие — портреты и пейзажи.

Александра Ильф.

Эйфелева башня. 1930-е гг.